

Кому надо, принёс что положено, и теперь этот чудный участок земли – личная собственность Васо Бедоева. Давно он ему приглянулся, да не откусить было. Правда, на территории высился старый монумент из серого камня со взмывающими журавлями и фигурой скорбящей матери да рос небольшой парк из елей и дубов, высаженных сельчанами в виде звезды лет сорок назад. Ерунда! Кое-какие деревья вырубить, чтобы влез коттедж... дачный вариант... Ну а памятник? Пока не мешает, пускай стоит. Снести недоло.

***

Мила Дзарахматовна Газданова ахнула и непроизвольно прижала натруженные шершавые ладони к морщинистым щекам. Откуда возле памятника её отцу и его шестерым братьям, вокруг мемориального сквера, сорок три года назад посаженного жителями села Дзуарикау, появился наглый забор?! Чей он? Почему?! И кто свалил старый дуб?! Ой! И ёлку! Что ж это за паразиты натворили такое?! Вот я вас, вот я!..

Горло сдавило, сердце заколотилось, перед глазами темно, и, кажется, давление поднялось.

Мила долго стояла возле ёлочного пня, рассматривая светлую, истекающую влажностью поверхность, и повторяла: «Да кто ж это? Да как? Зачем?!»

Потрогала камень памятника, погладила склонённую голову каменной матери, сложенные на груди руки.

«Здравствуй, бабушка Тассо...»

Провела по лицам портретов.

«Здравствуйте, дядя мои Хаджисмел, Магомет, Хасанбек, Созрико, Махарбек, Шамиль».

Подняла голову к летящим, сцепившимся крылами журавлям.

«Летите, родные мои, летите к Богу! Всё время летите, долетайте!»

***

– Какие ещё герои войны? – недовольно буркнул Васо Бедоев. – Эти, которые под журавлями? Ну и что?

Мила стояла перед ним и возмущённо сверкала яркими чёрными глазами.

– Это мои родные! Во время войны все семеро по очереди добровольцами уходили на фронт и погибли – один за другим! Хаджисмел и Магомет – под Севастополем. Дзарахмат – под Новороссийском. Хасанбек – он самый младший из братьев, ему всего семнадцать лет стукнуло, – в Белоруссии убит. А Созрико – в Киеве. Махарбека пуля под Москвой нашла. Шамиль до Берлина добрался и от смертельной раны умер. Вот какие герои! Мало тебе, Васо?! Сам-то смотрел на врага в оптический прицел? Вообще – в прицел? На врага Отечества! На убийцу твоих близких!

– Вот только не надо мне этого пафоса, – поморщился Бедоев. – Я подхожу к делу практически. Земля эта бесхозная.

– Это земля нашего села Дзуарикау! – отрезала старая осетинка.

– Земля – она везде земля, – пожал плечами Бедоев. – Документов на эту территорию нету, понятно?

– Какие тебе должны быть документы, изверг ты, род свой позоришь!

Бедоев равнодушно куснул бок садовой груши и ответил нехотя:

– Такие, чтоб этот парк ваш рядом с памятником был оформлен как природоохраняемый объект. И чтобы его внесли в мемориальный комплекс. Понятно? А раз участок никому не принадлежит, я его и купил. А за оскорбление могу в суд подать.

– Перед судом отвечу, не беспокойся. А землю у кого купил? Какой предатель тебе её продал? По какому праву? – наступала Мила, дочь Дзарахмата.

– Да ваш собственный глава Бимболат Келехсаев продал, с него и спрашивайте. А вообще, у меня законно, уважаемая: и вырубка леса, и строительство дачного дома. Моя земля, и слушать ничего не желаю!

***

Бимболат Келехсаев прятал чёрные глаза и вертел в руках золотую ручку.

– Мила, слушай, из-за чего тебе весь этот сырбор? Тебе если нужна земля, могу дать сколько запросишь. Но та территория продана, ничего не поделаешь.

– Зачем, скажи, мне ещё земля? У меня и так есть! Мне важно сохранить память о погибших родственниках! Ты знаешь, кто его сделал, знаешь?! Известный в Осетии скульптор Сергей Санакоев! Он воплотил в камне стихотворение Расула Гамзатова: семь белых журавлей в полёте, и седая мать плачет от скорби! Помнишь ли?

*«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту легли когда-то,
А превратились в белых журавлей...»*

– Ну какое ещё стихотворение, Мила? – возопил Келехсаев. – Это просто деревья. Просто камень!

Мила Газданова оперлась руками о стол, за которым сидел Бимболат.

– Документов, может, и нет, а парк есть, – сказала она. – И таких деревьев в районе больше нигде не растёт. Ели и дубы звездою посажены рядом с журавлиным монументом. Это святое место, Бимболат! Не знаешь разве? Здесь во время осады нашего села фашисты убили двадцать десятиклассников! А они в руках ни пистолета, ни винтовки не держали! Просто возвращались домой из школы! Парк – дань памяти семи братьям-героям и этим безвинно погибшим детям!

Келехсаев помолчал. Спрятал золотую ручку в стол. Пряча глаза, развёл руками.

– Ничего не вернёшь, Мила Дзарахматовна. Продано.

***

Мила прислонилась к нагретой солнцем каменной статуе бабушки Тассо, стоявшей возле стены с фотографиями своих сыновей, превратившихся в белых птиц, и надписью строгим шрифтом: «Они ушли в бессмертие». Старая женщина умерла, когда ей принесли похоронку на третьего сына. У неё разорвалось сердце, и она упала на раскалённые камни двора. Её муж Асахмат дожид до Победы. Последняя надежда лелеяла его измученное сердце – Шамиль. Как-то пришёл он во двор невестки победным летним днём с реки Фиагдон, что текла рядом с селом, взял на руки внучку Милу, дочь Дзарахмата – единственного сына, который успел жениться до ухода на фронт. Пришли во двор ста-

рейшины. Встал Асахмат им навстречу, выслушал – и сердце его замерло навсегда.

А белые журавли всё летят. Летят, летят, взмывают в небо. Недосыгаемо небо. Тяжелы каменные крылья. Вечный поиск неба. Хотя зачем искать? Небо заключено в них – в журавлях, выпущенных ввысь материнской рукой.

***

– Потому-то и не чувствуешь ты ничего: потому что горя у тебя никогда не бывало, – заключила Мила Газданова и смело посмотрела в бесстыжие глаза Бедоева.

Тот цинично ухмыльнулся и процедил:

– Да про ваших так называемых «семерых героев» все забыли! От них ни могилки, ни дома не осталось, даже развалин! Даже фундамента, между прочим.

Мила подтвердила без всякой робости и неловкости:

– Не осталось, правду говоришь. Наш дом надвое раскололся от фашистской бомбы. Когда я подросла, соседка, тётя Хадизат, мне рассказала, что немцы, захватившие Дзуарикау и два месяца стоявшие в селе, когда уходили, специально взорвали наш дом, когда узнали, чей он. Зло их взяло, что семеро смелых мужчин сражаются против них на различных фронтах! Дедушка Асахмат вернулся с гор, где овец пас, а дома-то и нет. Моя мама дала ему кров. В нём он и умер в июле сорок пятого.

Мила встала со стула. Кабинет Бимболата Келехсаева вдруг сузился и растерял стены и потолок.

– И про то неверно ты сказал, Васо, что никто героев не помнит, – высоким, грозным голосом сказала она. – Помнят! Просто не для тебя, не в тебе эта память! В семидесятых годах люди собрали в сельской школе музей. Там хранятся семь чёрных черкесок братьев, их фотографии, макет нашего дома, газетные вырезки, портреты родителей. В этой школе до войны мой дядя Махарбек детей обучал осетинскому языку!

Дочь Дзарахмата перевела дух и продолжила:

– Именами героев до сих пор улицы называют. В их честь танцуют национальный танец «Семь косарей». И с чего ты взял, что без следа исчез дом Газдановых?! Я – его фундамент. Стены – мои четверо детей: Зелимхан, Кермен, Мисирби, Таира. И одиннадцать внуков. Ты их не знаешь, а я тебе скажу, потерпи: Езета, Замира, Аниса, Наида, Дунетхан, Мадинат, Баччири, Гайши, Амурхан, Дакко, Кайсын. Окна, крыша, крыльцо, убранство – память о моих родственниках, благодаря которым ты живёшь!

Бедоев упрямо сказал:

– Это моя земля. Я её купил и слушать ничего не желаю. Не пробьёте на жалость. Я вам не лох городской. Покупайте себе другое место, сажайте что хотите, объявляйте что хотите, ставьте какие угодно памятники, а меня, наконец, оставьте в покое!

Чисто выбритое лицо исказилось в гримасе раздражения. Это последнее, что увидела Мила Газданова перед обмороком, в тёмноте которого медленно протекла вся её жизнь с ответвлениями фантазий...

***

Мила прикрутила к плотной ткани пиджака все награды – и отцовы, и всех дядьёв. Причесалась. Оглядела себя в зеркале. Ничего. Прилично. неброско, но торжественно. То что надо. Солнце ударило в неё всем своим светом и силой, заиграло на старых медалях. «Красота!» – наверное, подумало солнце.

Единственная дочь Милы, Таира, глянула на неё, ахнула:

– Мам, ты чего задумала?! Куда собралась?

– За свой род биться пойду, – с достоинством ответила осетинка.

– Как ты хочешь биться? Саблей?!

– Саблей.

– У тебя нет сабли, мама! Ну что ты себе вообразила? Что? Ты вон только что от обморока очухалась!

– У меня своя сабля, – упрямо заявила Мила. – И я отлично себя чувствую, не спорь со мною, девочка.

– Никакая я тебе не девочка. Мне уже пятьдесят!

– С юбилеем, дорогая моя. Пусти меня, ну? Я скоро вернусь.

И ушла. С саблей в ножнах. На бой за свой род, за свою память.

***

Васо Бедоев подъехал на машине, полной гостей. В ней сидели его бабушка, родители и чета районного начальства. У ворот джип резко затормозил, а Бедоев крикнул, плюнул, чертыхнулся.

– Чего там? – спросила притомившаяся бабушка Чабахан.

Рассказал сквозь зубы, плюясь и размахивая рукой. Бабушка помолчала. Велела выпустить её из машины. Внук закатил глаза, но повиновался. Тогда и все вышли. И увидели осетинку в годах, на груди которой поблёскивали медали, а руки сжимали обнажённую саблю.

Бабушка Чабахан подошла к ней. Глаза её поблёскивали от слёз, будто те медали.

– Здравствуй, Мила, дорогая...

– Ох! Это ты! Как ты здесь, Чабахан? Откуда? Этот... человек тебе кто?

– Внук. Мила, расскажи-ка мне, чего ты тут стоишь с саблей наголо да медалями сверкаешь?

***

Бабушка Чабахан повернулась к Васо Бедоеву и смерила его странным взглядом. Родители и начальствующая чета молчали.

– Пойдём, Васо, к журавлям. Скажу тебе кое-чего.

– Бабушка! Ну что ещё? – недовольно пробурчал Бедоев. – Я же сказал: своего решения не изменю. Вообще не понимаю, о чём разговор.

– О тебе разговор, – властно произнесла бабушка Чабахан. – Надолго не задержу, не переживай.

Бедоев скривился, вызывающе цокнул, но перечить не посмел, исчез вслед за бабушкой на своём участке. Высокий забор скрыл их из виду. Бабушка Чабахан поклонилась каменной Тассо. Постояла, рассматривая цепочку взлетающих белых журавлей, касавшихся друг друга кончиками крыльев.

– То вот тебе и скажу, Васо, – наконец сказала бабушка. – Среди тех двадцати десятиклассников, что фашисты расстреляли, был твой дедушка. Здесь он похоронен. В этой роще. И все его одноклассники. Девочки и мальчики... Когда мы сажали ёлки и дубы, боялись, что иглы и листья бурями будут – столько крови впиталось в землю... Но нет. Зелёными развернулись. Постой здесь, постой, Васо. Погляди, как взмывают белые журавли. Кажется, они хотят улететь в край, где нет войны и горя. И не могут. Знаешь, где стоишь, Васо? Встречались мы на этом месте с твоим дедушкой Гери. После войны хотели пожениться... Не успели. Отец твой через восемь месяцев родился. А у меня даже фотокарточки не было. Стой, Васо, слышишь? Никуда не уходи, прислушайся. Вдруг услышишь. Вдруг поймёшь.

***

Шумел елово-дубовый парк. Белели два пенёк от срубленных деревьев.

Васо стоял нахмурившись, ни на кого не глядя. Потом посмотрел на каменных журавлей. Опустил голову. Присел на корточки и положил на горячую землю раскрытую ладонь. И померещилось ему, что рука его обрастает белыми перьями и превращается в сильное крыло, а в груди рождается тоскливый клёкот-плач и рвётся из горла.

Он долго сидел на корточках – пока не затекли ноги. Потом встал и молча ушёл.

***

Мила Газданова вздохнула и тихо вложила отцовскую саблю в ножны.